

УДК 81`42+32+316.77

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ОСВЕЩЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ ЯЗЫКА

Равочкин Н.Н.,

кандидат философских наук, доцент, кафедра гуманитарно-правовых
дисциплин, ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный

сельскохозяйственный институт»

г. Кемерово

Актуальность исследования синкретического единства «язык-политика» обусловлена, главным образом, «лингвистическим поворотом» в современной философской мысли, открывающим возможность приближение к механизмам мышления, а значит и трансформациями языка как динамической системы. Это в свою очередь определяет мировую эволюцию форм политической коммуникации и представлений об институте лидерства между акторами в политических пространствах. Политический дискурс, по нашему заявлению, представляет собой один из наиболее приоритетных инструментов в борьбе за власть ввиду невозможности игнорирования лингвистических особенностей субъектов и, как следствие, формирования общественного сознания. Все отмеченное выше способствует популяризации политической лингвистики, понимающей под одной из главных задач проведение анализа соответствующего ей pragmatically-orientedного дискурса. В настоящей работе автор на основе анализа современных подходов и междисциплинарных работ предпринимает попытку дать собственное видение понятия «политический дискурс».

Категория «дискурс» в научном обороте справедливо может характеризоваться как устоявшаяся. Тем не менее, обоснованность его употребления, вне зависимости от контекста, уже отходит на задний план. Философия, лингвистика, культурология, история, социология, политология, педагогика, искусствоведение представляют неполный перечень наук, в которых применяется термин «дискурс». При обращении к дискурсу как лингвистической категории сегодня обращает на себя внимание антропоцентристская парадигма [6].

Однако, несмотря на продолжительный (более полувека) характер научной деятельности, познающей, определяющей и уточняющей дискурс, исследовательский интерес к данному феномену повышается. Мы связываем это, главным образом, с тем, что данное понятие слишком широко, расплывчато и, соответственно, достаточно сложно определяемо. Широта использования позволяет указать и на определенную моду, и на беспорядочность его применения. Отсюда следует неодинаковость и неоднозначность его интерпретации и использования различными учеными. Неудивительно, коллективная «одержимость» терминологической новинкой и

частотность ее употребления, привела к тому, что некоторые ученые считают «дискурс» своего рода термином-паразитом, выполняющим парольную функцию взамен информативной. Использование дискурса как собственно термина лингвистического толка представлено в классификации С.Слембрука. В качестве областей знания, использующих данный термин, он выделяет аналитическую философию, теорию речевых актов, структурную, лингвистику, общую и функциональную стилистику, прагматику, теорию референций, лингвистическую антропологию, этнографию, социолингвистику, семиотику, культурологию, социальную теорию и др. [20]. Как и любая классификация, классификация Слембрука не является абсолютно корректной, поскольку она не только несет в себе авторское видение проблемы, но и не дают исчерпывающий перечень дисциплин, использующих дискурс. Так, Н.Н. Белозерова и Л.Е. Чуфистова, критикуя представленную классификации, упоминает психоанализ, теорию перевода, компьютерную лингвистику, где употребление термина расширяется либо приобретает особое содержание. Замечательным здесь видится то, что каждая дисциплина порождает новые «дискурсы», выходящие за ее специальные рамки [4].

Освещение темы настоящей статьи задает императив – рассмотреть дискурс с позиции лингвистики. Стоит отметить, что в современном языкоznании категория «дискурс» одной из наиболее трудно определяемых. Это очевидно, поскольку определение образа автора и адресата в политическом дискурсе невозможно без рассмотрения базового и основополагающего понятия исследования, а именно – дискурса вообще. *Discours* – это французское слово, происходящее от латинского *discursus*, и означая рассуждение, довод. Значение слова *discours* во французском языке определяется как выступление, рассуждение. В русском языке, как и во многих других европейских, этому слову нет эквивалента. Под дискурсом в России сегодня принято понимать сам дискурс (как непереводимое слово), дискурсию, речь, слово, текст, рассуждение. Таким образом, дискурс – одно из наиболее сложных и трудно поддающихся определению понятий в современной науке, что проявляется и в момент его генезиса и вхождения в лингвистическую терминологию.

Начнем с того, что предпосылки современного понимания дискурса с позиции лингвистики относятся ко второй половине XIX в. В это время происходит становление новых подходов к рассмотрению языка. Главным образом, с изучением функциональных особенностей языка и объяснению языковой формы ее функциями. Появление исследовательского интереса к «дискурсу» связано с именем основоположника современной лингвистики Ф. де Соссюром. Э. Бенвенист проводит «популяризацию» понятия «дискурс», правда, конкретизируя его как «речь, присваевшую говорящим». Именно в концепции Бенвениста, разграничившего план повествования и план дискурса, сам дискурс обретает прагматическую направленность [5]. Поэтому для нас дискурс является интенциально ориентированной деятельностью.

Э. Брюссанс утверждает триаду «язык–дискурс–речь», понимая под дискурсом элемент, выполняющий «посреднические» функции между языком и речью. У Брюссанса язык выступает абстрактной системой знаков, дискурс концентрирует в себе некоторые конкретные комбинации, посредством которых говорящий использует язык, а речь является и самим механизмом, и процессом речевой деятельности [7; 21].

Трактовка дискурса претерпела значительные изменения. По этому поводу В.Н. Бабаян пишет следующее: «если в 1960-70-е годы дискурс понимался как связанная и согласованная последовательность предложений или речевых актов, то с позиций современных подходов дискурс – это сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста» [3]. В.Е. Чернявская и Е.Н. Молодыченко предлагают четыре возможные трактовки дискурса в современной лингвистике, выстраивание их по принципу «восхождение от абстрактного к конкретному»: от языковой составляющей межличностного взаимодействия до конкретного текста со всем его многообразие экстралингвистических связей [17]. Заслуживает внимания интерпретация дискурса С.В. Коломиец. Так, в духе развития неклассической науки она указывает, что дискурс, как и любой многозначный объект, является междисциплинарной лингвистической категорией. Сложность в том, что «дискурс представляет собой явление промежуточного характера между речью и общением, языковым поведением, с одной стороны, и фиксируемым текстом с другой стороны. Поэтому дискурс необходимо рассматривать с позиции не только лингвистики (по В.И. Карасику), но и социолингвистики, прагмалингвистики, лингвофилософии» [10]. Наконец, обращаясь к фундаментальной статье Н.Д. Арутюновой в Большом энциклопедическом словаре по языкознанию, в очередной раз убеждаемся, что в России данный термин также рассматривается с нескольких позиций и учитывать его многомерность в аспекте семантического варьирования. К примеру, под дискурсом понимается и связный текст в совокупности с экстралингвистическими — прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, и текст, взятый в событийном аспекте, и речь, «погруженная в жизнь» [18].

Обращение к теории дискурса позволило автору обнаружить множество его интерпретаций и трактовок. Однако мы придерживаемся содержанию «дискурса», руководствуясь формулировкой Т.А. ван Дейка в значении коммуникативного события, которое происходит между говорящим и слушающим в процессе коммуникативного действия с привязкой к определенному временному, пространственному и прочему контексту [15; 19]. Значимость такого понимания дискурса с позиций функционального подхода состоит в выявлении сложного единства языковой формы «коммуникативного события», которое происходит между говорящим и слушающим в процессе коммуникативного действия (речевого, письменного,

имеющего вербальные и невербальные составляющие) в определенном контексте. Таким образом, вне зависимости от широты и различий в понимании этого термина в современной теории языка, общим является неразрывная связь дискурса с речевым общением. «Погруженность в жизнь» указывает на живое общение в конкретной ситуации или контексте, свидетельством чего выступают отклонения от так называемой «канонической речи».

Так или иначе, в своей совокупности, любое множество теорий дискурса является интенсивно развивающимся полипарадигмальным направлением в современной науке. Как мы писали ранее, область применимости термина «дискурс» весьма обширна, поэтому можно говорить о существовании дискурсов на любых уровнях общественной жизни, выделяя их по любым критериям, если удается выделить правила конструирования высказываний в пределах какого-то дискурсивного поля. Понятие дискурса не тождественно понятию языка, поскольку язык предполагает правила конструирования любого высказывания, то он потенциально включает в себя все возможные высказывания. Дискурс всегда индивидуализирован, поскольку не бывает двух одинаковых дискурсов. Причина этой индивидуализации лежит во множественности выборов, среди которых может быть сделан только один. Обозначив причину совершения выбора, т.е. выявив установленные системы отношений между разнородными элементами (статусными позициями, институтами, субъектами, физическим пространством и т.п.), можно будет сделать заключение об общности дискурса. Поскольку дискурс представляет собой единство, в нем выполняется «закон связности». Это означает, что дискурс всегда непротиворечив, несмотря на все противоречия, которые в нем заключены. Как видно из вышеизложенного, дискурс не представляет собой нечто стабильное, ведь объекты, характер высказываний, ключевые понятия и темы дискурса постоянно изменяются и трансформируются. Можно заметить, что отсутствие определенной строгости и однозначности при интерпретации является характерной чертой современного употребления термина «дискурс».

Трактовки понятия «дискурс» отличаются крайней разнородностью и противоречивостью. С момента концептуализации дискурса Т.А. Ван Дейком сформировалось несколько существующих методологических установок, каждая из которых придавала дискурсу собственный смысл. В условиях междисциплинарной научной парадигмы под дискурсом одновременно понимается и текст, и коммуникативные взаимодействия, и различные социальные практики.

В.М. Качалова пишет, что к началу XXI в. проблема планомерного и комплексного исследования дискурса выходит на первый план [9]. Актуализированный нами ранее политический дискурс уже представляет собой престижную востребованную сферу». Проблематика политического дискурса исследуется в трудах зарубежных и отечественных лингвистов. Современная лингвистика рассматривает политический дискурс с позиций

узкого и широкого подходов. Под политическим дискурсом в узком смысле справедливо понимать некоторую разновидность дискурса, цель которого совпадает с целями политики, а именно: завоевание, осуществление и сохранение власти. При таком определении политический дискурс может представлять собой текст, детерминированный ситуацией политической коммуникации, например, борьбы за власть. Наиболее ярким представителем узкого понимания политического дискурса является уже упомянутый нами Т.А. ван Дейк, согласно которому политический дискурс является собственно дискурсом политиков и реализуется в виде «правительственных документов, парламентских дебатов, партийных программ, речей политиков». Если руководствоваться институциональным видением политики, необходимо указать, что предназначение политического дискурса будет заключаться в смысловой организации политики как института. В первую очередь политического процесса и деятельности его отдельных участников, а также их политических курсов. При таком понимании политики, очевидно, что тексты, высказывания и речевые акты при всей их важности составляют только часть политических дискурсов [8].

При широком подходе политический дискурс охватывает не только формы коммуникации, имеющие к политике, но и сами «процессы порождения и восприятия текстов и экстралингвистические факторы, влияющие на их порождение и восприятие». Политические тексты, выступающие доминантой и служащие средством коммуникации в политической сфере, являются верbalным результатом этой дискурсивной деятельности. Ю.А. Сорокин определяет политический дискурс как эксплицитно прагматичный особый тип идеологического дискурса. Как известно, цель любой идеологии заключается во внедрении конкретно спроектированных общих идей (идеологем) в индивидуальное и массовое сознание. Такие идеи формируют мировоззрение, отвечающее классово-политическому восприятию действительности. По мнению А.Н. Баранова и Е.Г. Казакевича, политический дискурс – это все речевые акты, используемые в политических дискуссиях, и правила публичной политики [1; 11; 12]. Сущность идеологии можно обнаружить в бинарных оппозициях, указывающих на антагонизм по отношению к оппоненту. Так, тексты политического дискурса строятся на ценностных оппозициях как, например «коммунизм-антикоммунизм», «демократия-антидемократия», в которой что-либо заявляется как ценность, вторая часть высказывания наделена приписываемой оппонентам ценностью со знаком «минус» [14]. Оппозиция «свой – чужой» в политическом дискурсе имеет универсальный характер и всегда организуется на жесткой аксиологической основе: «свой» располагается на шкале «хорошо», «правильно», «чужой» – на шкале «плохо», «неправильно», что вполне соответствует сущности власти [13].

Исследователи политического дискурса с позиций институционального подхода приводят перечень конститutивных признаков дискурса (участники, условия, организация, способы и материал общения), признаков

институциональности (по линиям участников общения, по целям и условиям общения) и типов институционального дискурса (характеризующие тип общественного института), а также нейтральные признаки (как «строительный материал» дискурса) [2]. В своей реализации политический дискурс, как замечает М.Г. Цуциева, является открытой подвижной системой, представляя собой «поликодовое дискурсивное политическое пространство социального взаимодействия, реализуемое как вербальными, так и невербальными (визуальными) средствами и характеризуемое интердискурсивностью» [16]. Тексты, используемые в рамках политического дискурса, непосредственно создаются политиками и используются в политической коммуникации (политические документы, парламентские речи и дебаты, публичные выступления и интервью политических лидеров) [12].

Итак, дискурсивный подход к сфере политики представляется достаточно плодотворным, поскольку позволяет осмыслить важную, сущностную сторону этой области функционирования языка — специфику осуществляющей в ней концептуализации мира. Политический дискурс в современном обществе многообразен, поскольку многообразны политические взаимодействия. Определив политику как совокупность институциональных властных управленческих практик в социуме, в рамках настоящей работы под политическим дискурсом понимается языковая компонента этой практики, зависящая и разворачивающаяся от контекста ситуации.

Список литературы:

1. Алифанова Ф. С., Сенцов А. Э. О некоторых особенностях политического дискурса // Молодой ученый. — 2015. — №11. — С. 1778-1780.
2. Артемова Е.А. Карикатура как жанр политического дискурса: Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.19. – Волгоград, Волгоградский государственный педагогический университет, 2002. – 175 с.
3. Бабаян В.Н. Критический анализ теории дискурса в плане учета молчащего наблюдателя // Ярославский педагогический вестник. – 1997. – №2. – Ярославль: ЯГПУ им. К.Д. Ушинского. – С. 30-32.
4. Белозерова Н.Н., Чуфистова Л.Е. Когнитивные модели дискурса. — Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2013. — 256 с.
5. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. — 448 с.
6. Демьянков В.З. Об антропоцентрическом направлении в когнитивной лингвистике // Когнитивные исследования языка. – 2016. – № 27. – С. 36-45.
7. Дискурсивное пространство современного мира: Монография / Е.В. Бобырева, И.В. Палашевская, Ю.В. Погребняк, А.М. Морозова, Е.А.

Курченкова. – Saint-Louis, MO, USA: Publishing House Science and Innovation Center, 2014. – 150 с.

8. Ильин М.В. Политический дискурс как предмет анализа // Политическая наука. – 2002. – № 3. – С. 5-21.

9. Качалова В.М. Политический дискурс как проблема отношений языка и власти // Новая наука: Современное состояние и пути развития. – 2016. – № 3-2. – С. 31-35.

10. Коломиец С. В. Лингвистические средства объективации гендерного дисплея в институциональном дискурсе: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.19. – Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2010. – 170 с.

11. Лесняк М.В. Тоталитарный дискурс как тип политического дискурса // Научная мысль Кавказа. – 2012. – № 2 (70). – С. 154-157.

12. Перельгут Н.М., Сухоцкая Е.Б. О структуре понятия «политический дискурс» // Вестник Нижневартовского государственного университета. – 2013. – № 2. – С. 35-41.

13. Синельникова Л.Н. Коммуникативные модели оппозиционного политического дискурса // Политическая лингвистика. – 2010. – № 1. – С. 34-38.

14. Тетиор А.Н. Древние животные корни идеологий человечества // Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe. – 2017. – № 2-1 (18). – С. 69-74.

15. Фауль Б.В., Демин Т.С. Теун Ван Дейк и современный дискурс-анализ // Филология и литературоведение. – 2015. – № 9 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://philology.sciencedirect.com/article/pii/S0028226X15000162> (дата обращения: 28.02.2019)

16. Цуциева М.Г. Речевой жанр в дискурсе языковой личности политика // В сборнике: Медиалингвистика. – Санкт-Петербургский государственный университет, Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций». Санкт-Петербург, 2014. – С. 165-167.

17. Чернявская В.Е., Молодыченко Е.Н. Речевое воздействие в политическом, рекламном и интернет-дискурсе. – М.: ЛЕНАНД, 2017. – 176 с.

18. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. — 685 с.

19. van Dijk T. A. Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction. – Spain: Pompeu Fabra University; SAGE Publications Ltd, 2011. – 432 p.

20. Slembrouck S. Explanation, interpretation and critique in the analysis of discourse // Critique of Anthropology. – 2001. – № 1 (21), pp. 33-57.

21. Wodak R. Disorders of Discourse. – London: Longman, 1996. – 200 p.